

Суламифь

Шула очень не любила своё имя. Не нравилось оно ей совершенно. Шуламит – имя для взрослых тёток, старушечье. От него пахло нафталином и пылью, щекотным запахом старых бумаг и фотографий. Она видела такие дома у Лии, лучшей подруги из класса, а у них ничего такого не было.

Зато была бабушка Ида. Ида Вацловна была статна, строга и немногословна. Никаких там муси-пуси не признавала, всё делала чётко и быстро, решительно и бесповоротно. Это она выбрала для внучки такое странное имя. Бабушка зажигала свечи по пятницам, и они должны были всегда вместе с ней встречать субботу. Если Ида готовила еду, то обязательно столько, сколько съедалось, без лишних изысков и выкрутасов. Бабушка боялась и ненавидела собак. И Шулины родители категорически не соглашались на покупку щеночка, даже самого малюсенького.

А Шула безумно хотела собаку, мечтала о ней, но даже и не заикалась. Нельзя.

В последнее время, Ида Вацловна очень не любила вечера, а уж ночи и подавно. Днём жизнь играла яркими красками, вносила свои заботы, пела голосом помощницы грустные украинские песни, гортанно зазывала криками зеленщика и восхитительно пахла сдобой из ближайшей лавки булочника.

В сумерках, по углам оживали старые тени. Они оплетали комнату туманной вязью, причудливо скручивались в давно забытые образы, убаюкивали и погружали в небыль. Всё чаще хотелось сесть в удобное кресло у окна, прикрыть глаза и бессильно опустить руки. Сил становилось всё меньше, а тело слушалось все хуже и хуже.

Она бы и сдалась, наверное, но тут опять явилась Суламифь.

Суламифь родилась первой, через двенадцать часов тяжёлых родов. Явилась миру и в ту же минуту требовательно и громко закричала. А через несколько минут схватки продлились, и удивлённому пожилому семейному доктору стало ясно, что следом идёт ещё один младенец. Близнецы. Ида родилась неожиданно. Мама про неё даже не знала сначала, и счастье и радости в семье не было предела.

Ида и Суламифь. Долгожданные, необыкновенно красивые. Их баловали, наряжали, носили на руках, задаривали подарками. Старинный род. Дед – известный раввин и каббалист. Ему кланялись на улицах чужие люди, его книги читали в разных странах, ученики произносили его имя со священным придыханием. Родители – образованные и современные. Они писали стихи и ставили домашние спектакли, встречались с друзьями, ездили в оперу и водили авто. Богема.

Целый год всё семейство обсуждало празднование батмицвы близняшек – совершеннолетие девочек по иудаизму. Они станут взрослыми, смогут сами зажигать субботние свечи и произносить благословение, станут причастными к многовековому таинству веры и почитания традиций.

Но началась война. Их выгнали из красивого дома в центре Праги, отобрали всё, лишили документов и прав. С жёлтыми звездами, словно позорными метками, они бродили по улицам гетто в поисках еды, задаваясь бесчисленными вопросами и ужасаясь от мыслей о будущем. Девочек дед сумел отправить на хутора, к дальним родственникам, чтобы их спрятали. Но вскоре немцы нагрянули и туда. По доносу.

Глубокой ночью Ида проснулась от лая собак. Она и юркая Суламифь выскочили в окно и понеслись, что было сил. Вслед спустили собак. Босые, они неслись, не разбирая дороги, держась за руки, падая и не успевая уворачиваться от хлестких веток. Исцарапанные и обессиленные, они упали у самого ручья и собаки их нагнали. Натасканные убивать, псы рвали на куски нехитрую одежку и нежное детское тело.

... Старые шрамы на ноге у Иды Вацловны противно ныли к дождю.

С огромными немецкими овчарками девочки не справились. Их схватили и вместе с другими жителями погрузили в вагоны. Суламифь перевязывала их рваные раны оторванными от одежды лоскутами, она без устали искала выход из этого товарного ящика. Раскачивала доски, расшатывала гвозди, до крови ломая ногти. Она была непотопляема, её Суламифь. Яркая и неугомонная, она всегда пела и плясала так, что зрители переставали дышать. Она читала стихи, и все вокруг начинали плакать. Когда они обе садились к роялю – мир замирал. С первой минуты своей жизни она притягивала, горела и удивляла, всё делала так, как будто больше не придётся, не сложится.

Их всех убили газом в душевой.

Ида и Суламифь оказались на полу, в самом низу. Мифа всё прижимала её голову к полу, и газ, видимо из-за воды, не подействовал, как надо. Работник зондеркоманды, серая тень с пустыми глазами, узнал их... он был дедушкиным учеником и часто приходил к ним в дом. Рискуя жизнью, он тихонько вывез девочек вместе со всеми мёртвыми в лес, где в большом рву жгли тела.

Сбросил по дороге. Не взял ещё один грех на душу. Хотя кто их считал-то, грехи его. После лютой и страшной смерти семьи, он всё не понимал, как и зачем остался в живых, а когда увидел этих ангелов – наконец всё понял и просветлел. Они были его предназначением.

Ида долго была без сознания. Её подобрала и выходила старая крестьянка. Прячала, учила разговаривать по-украински и даже креститься. Звала Ядвигой и выдавала за дочку сестры. Городская девочка никак не походила на других сельских детей. Ида, как выздоровела, каждый день убегала в лес, всё искала сестру. Девочку далеко не отпускали, возвращали, уговаривали, а потом и вовсе переправили подальше. После войны Ида вместе с другими детьми попала в пересыльный лагерь, потом на корабле приплыла в Израиль. Она всю жизнь искала свою Суламифь.

Сестра свалилась ей на голову совершенно неожиданно, просто шумно ввалилась в квартиру в один прекрасный день, и началось... И слёзы, и вопли, и обнимания без конца и края, и вечерние посиделки с вином, и красная помада, и нитки крупного жемчуга, и походы к парикмахеру.

С ней нахлынули и воспоминания, вдруг неожиданно приятные и милые сердцу.

Вечерами, сидя у круглого стола, сёстры вели неспешный разговор – о жизни, о своей любви, о детях и внуках. Яркая Суламифь раскачивала ножкой в изящной домашней тужурке, рукой, с безукоризненным маникюром, держала бокал с душистым красным вином. Её волосы были небрежно собраны двумя черепаховыми гребнями высоко вверх, и эта томная элегантность, эта небрежность и уверенность так напоминала маму, их огромную квартиру, музыкальные салоны и богемную жизнь.

– Дусенька, ты совершенно не права! Ну, помилуй Боже, сколько ж лет назад всё это было! Надо просто идти и жить дальше! И если девочка хочет – купи ты ей уже собаку!

Или так:

– Мы представительницы старинного рода, мы не можем ходить и выглядеть замухрышками! Ах, оставь, ты ради Бога! Ну, при чём тут возраст!

Её звонкий смех переливался и кружил в голову. Ида не могла наглядеться на неё, вдыхала тонкий аромат сестры. Она прикрывала глаза и переносилась в дальние дали. Она представляла Суламифь на большой сцене, в лучших театрах. Без усталости представляла её, покупающую наряды и вальсирующую в полумраке ресторанов.

В серых ночных сумерках, когда тени царственно превращают привычный мир в искажённое Зазеркалье, совсем другая Суламифь стояла у окна, залитая зыбким серебром полной Луны.

– Не смей! Ты слышишь меня?! Не смей! Не смей позволить им победить! Они рвали нас собаками и травили газом, но победить они нас не могут! Мы живы и будем жить в наших детях!

Мифа яростно выплёвывала слова, в её глазах полыхали молнии, неприбранные волосы окутывали её серебряным покрывалом. Казалось, взмахни она руками, и тут же взмоет высоко в небо гневным ангелом.

– Живи! Радуйся! Балуй внуков, пей вино, получай все удовольствия мира! Им на зло! Я заклинаю тебя – не смей киснуть и быть нудной старухой! И купи, уже, наконец, девочке собаку...

В воскресенье, в начале недели по еврейскому календарю, бабушка Ида позвала Шулу выбирать подарок на бат-мицву.

– Суламифь, мы поедем выбирать тебе подарок, но нам нужна будет помощь.

Шула чуть не свалилась с ног от удивления. Во-первых, бабушка звала её полным именем на иностранный манер, и вместо привычного Шуламит, это странное имя звучало благородно и интригующе. Красиво звучало, ей очень понравилось.

Во-вторых, Шула не припомнила, когда б это бабушка затеялась ехать куда-то за подарком, да ещё и вместо школы, да ещё и сорвав с работы отца! Ну и главное – Ида накрашила губы и оделась, как голливудская актриса. Оказывается, она очень красивая, её бабушка Ида.

В собачьем питомнике Шула, совершенно ошалевшая от неожиданности, носилась меж тучных щенков, повизгивала в унисон с молодняком, и то и дело, норовила ляпнуться на спину и задрать лапки. От счастья. Остолбеневший отец не отходил от бабушки, держал её за руку, и украдкой смахивал слёзы. Ида сидела у самого входа, тяжело дышала, держалась за сердце и за руку сына, и всё приговаривала: „Им нас не победить!“. Косолапый щенок подошёл к ней, потёрся об её ногу, и она, закрыв глаза, нечеловеческим усилием воли, погладила его мохнатую голову.

А гордая и прекрасная Суламифь, которая так и осталась лежать на холодном и скользком полу газовой камеры спасая сестру, весело смотрела на них с небес, хлопала в ладоши и кружилась в невиданном танце. Закинув голову назад, она громко хохотала, и её улыбка озаряла весь мир.

Суламифь – возлюбленная мудрого царя Соломона.

Суламифь – значит „мир приносящая”.

А значит - Жизнь победит!

Алёна БАСКИН.